

ИЗ "ЗАПИСОК"

До Симбирска я приехал ночью с 30-го на 31-е марта. Въехавши в город, я велел ямщику везти себя в лучшую гостиницу, строго запретив объявлять, что я губернатор. Подъехавши к каким-то воротам, принялись стучать, чтобы вызвать дворника, который после долгих ожиданий, наконец явился и повел нас в номер, в котором не было даже зимних рам, а стояли одиночные с разбитыми стеклами, заклеенными большею частью бумагою, да и та местами порванная. Холод и сырость в комнате были невыносимые. Все убранство ее состояло из трех или четырех просиженных соломенных стульев, из неокрашенной, загаженной мухами и клопами кровати с соломенным тюфяком, железного сломанного ночника и стен, униженных прусаками. Наконец пришел хозяин, мещанин в грязном сюртуке и растрепанный до-нельзя, объявивший с самодовольством, что это лучший номер его гостиницы и что "самые хорошие господа всегда у него притуляются". Делать было нечего, безропотно покорился своей участи, и, чтобы как-нибудь скоротать до рассвета, я приказал согреть самовар и пустился расспрашивать хозяина о городских новостях. Хозяин оказался очень глупым мужиком и вдобавок совсем неразговорчивым, так что я его тотчас отпустил, а сам, сидя на стуле, не решая лечь на кровать, продремал до света.

В шесть часов утра послал человека с подорожною оповестить полицмейстера, что новый губернатор ночевал уже в городе. Сей немедленно явился, и я просил его дать мне более приличную квартиру. Он мне объявил, что весь губернаторский дом к моим услугам и что там я могу остановиться хоть сейчас; тогда я повторил вновь свое требование - квартиру. Через полчаса я уже перешел на нее и, очистившись от дорожной грязи, приказал себя везти к бывшему губернатору Z....., которого встретил уже на дороге, ехавшего ко мне. Пересев к нему в сани, я отправился к нему в дом. Z..... я нашел в совершенном отчаянии; указ о смене его был получен в Симбирске 25-го числа, а до того времени он и не думал о том. Первое, что он мне предложил - это очистить для меня дом, но я ему объявил, что если он из Симбирска уедет прямо не из губернаторского дома, то моя нога в оном не будет, со дня его отъезда, ровно шесть месяцев, что меня сильно расстроит, но, несмотря на все, непременно поступлю таким образом. Затем старался успокоить его и, как заметно, не без успеха, передав ему мнение и отзыв о нем государя и некоторых министров, так что когда в кабинет вошла его жена, с которою он меня познакомил, то он весело передал ей все мною сказанное, говоря, что положение его не так худо, как он себе воображал. Оба рассыпались в благодарностях за мою деликатность, что я не пользуюсь своим правом и не выживаю их с занимаемой ими квартиры, просили дом их считать своим и, пока не обзаведусь своим хозяйством, сделать бы им честь обедать у них. Поблагодарив за предложение, я дал слово обедать у них этот день, не ручаясь за будущее, и, пробыв у них около часу, вернулся домой, а между тем в городе уже прошла весть о моем внезапном прибытии.

Я объявил полицмейстеру, ожидавшему меня на квартире, что в этот день никого принимать не могу, но желал бы ... видеть у себя вице-губернатора, управлявшего губернею, управляющего удельною конторою NN, и обоих жандармских штаб-офицеров: губернского - майора Стогова, и командующего по удельной части - подполковника Ф....., которых велел непременно пожаловать ко мне...

Очень скоро по приезде моем в Симбирск проезжал через оный гр. Строганов, товарищ министра внутренних дел, который пробыл тут несколько дней. Посетив присутственные места, зависящие от министерства, обозрел по-

верхностно архив губернского правления, поверил возможность и скорость выправок и, кажется, остался вообще доволен. Из разговоров его со мной, более замечательные приведу здесь.

- *О жандармах.* “Как вы с ними в сношениях? Откровенны или нет? Ладите ль с ними?” (это было еще до последней записки Ф...), - спросил граф.

- Не знаю, можно ли и должно ли быть откровенным с жандармами, - отвечал я. - Они приставлены наблюдать за нами, пускай доносят что хотят обо мне, я об этом не забочусь, ибо на совести ничего не имею. Отношений их к предместнику моему одобрить я не могу, ибо имею у себя образчики, не им в пользу служащие...

- *О городской тюрьме.* “Вряд ли все это хорошо и практично, что так хорошо содержится! Тепло, опрятно, сыто - много найдется охотников для такой удобной жизни!”

- *О доме трудолюбия,* воспитательного заведения Общества христианского милосердия. “Это так хорошо, что я в Петербурге ничего лучшего не видывал. Но знаете ли, что именно необыкновенно? Во всем виден практический смысл, которым здесь руководятся, начиная с воспитания и кончая самым помещением. Воспитанниц здесь не готовят для блестящих приемов в салонах, где бы они принимали гостей и болтали бы “des jolis riens” по-французски, а выйдут хорошие помощницы для своих неимущих родителей, могущие сами зарабатывать себе кусок хлеба и, возвратясь отсюда в свою семью, не будут тяготиться той бедной обстановкой, в которой быть может, им во всю жизнь придется жить, так как глаз их с малолетства привык к тому, что их теперь окружает. А где они в настоящее время живут - это клетка, в которой порожнего угла нет. Но все так чисто, опрятно, уютно. Непостижимо - как все это держится и кто всем этим руководит?!”

На замечание мое, что душа всего этого учреждения кн.Баратаев - он заметил: “Необыкновенный человек. Но вредный для себя: языку дает большую свободу”...

Благородный пансион гр.Строганов нашел для Симбирска недостаточным. О заведении приказа общественно-го призрения заметил, что “много-много будет мне трудов и забот”.

(Печатается по ежемесячному историческому изданию “Русская старина”, том XXIII, 1878 г., с.35-36, 48-49).